

М. М. Кондратенко

Диалектная полисемия как источник интерпретации понятия «время» в славянских говорах

Статья посвящена изучению диалектной интерпретации понятия «время» в лексике периферийных славянских говоров. Исследование проводилось на основе анализа семантики многозначных лексем, одно из значений которых связано со временем, а другое – с иными фрагментами диалектной логосферы.

Ключевые слова: понятие «время» в диалекте, периферийные ареалы, полисемия, славяно-германские семантические параллели, концептосфера и логосфера.

M. M. Kondratenko

Dialect polysemy as a source of interpretation of the concept "time" in Slavic dialects

The article centers round the study of dialect interpretation of the concept "time" in peripheral Slavic dialects. One of the research approaches is the analysis of the polysemantic lexemes, one of which meanings deals with the concept "time", and another – with some different fragments of a dialect logosphere.

Keywords: concept "time" in a dialect, peripheral areas, polysemy, Slavic-Germanic semantic parallels, conceptsphere and logosphere.

Понятие времени является одним из центральных не только в самых разных гуманитарных, но и в естественно-научных исследованиях. Чаще всего время определяют как количественную меру движения. Вопрос об интерпретации времени чрезвычайно сложен. Известно, что философ Г. Рейхенбах видел решение проблемы времени в уравнениях математической физики. Для лингвиста, возможно, больший интерес представляет мнение Г. В. Лейбница, полагавшего, что время есть язык, соединяющий события. Исследование диалектов сегодня подтверждает эту мысль, высказанную около трех веков тому назад.

На основании анализа языковых (диалектных) данных можно сделать вывод, что время – это категория, синтезирующая, составляющая в единое целое отдельные элементы/фрагменты мироощущения. В частности, в говорах Ярославской области хрононимы, с одной стороны, активно используются для обозначения самых разных понятий, не связанных с исчислением или характеристикой времени, например, *с неделю ростом* – «об очень высоком человеке» [3; 9, с. 5], с другой – различные явления жизни человека становятся семантической основой наименований

отрезков времени: *месяц хват* [3; 6, с. 44] – «месяц, когда женятся», *месяц кай* [3; 6, с. 44] – «месяц, когда каются после женитьбы, якобы разочаровавшись друг в друге».

Лингвистический аспект исследования восприятия времени носителями диалекта во многом определяется ответами на вопрос, каким образом оно отражается в лексике. Особую значимость в данном отношении представляют диалектные номинативные единицы, так как именно в говорах весьма наглядно выявляются способы семантической мотивации наименований (например, принцип номинации периода времени, состоящего из дня и ночи как их «стыка»: *сутки* – «угол между голбцем и стеной (возле печи)»; *сапоги поставлю в сутки* [3; 9, с. 89]) и, главное, сохраняется традиционная система образов языка, его метафорический код.

В первую очередь представляет интерес изучение диалектной интерпретации самого родового понятия «время» в диалектах с точки зрения образа, положенного в основу наименования. Интерпретировать и формулировать значение можно исходя из контекста: в частности, значение лексемы *час* в выражении *Бог часу не дает* (например, картофель копать) [3; 10, с. 48] – «нет

времени что-либо сделать». Здесь время представлено в одной из своих граней – поры, периода, подходящего для того или иного вида деятельности.

Другим способом раскрытия специфики образа, по нашему мнению, является анализ полисемичных лексем, одно из значений которых связано со временем. Интерес представляет, кроме того, география таких образов и их типология.

1. Время

В ярославских говорах в значениях «время, период» и «смерть» зафиксирована лексема *выход* (*выход* [3; 3, с. 60] – 1) время, период (*я не прежнёва выходу*); 2) смерть). Здесь приведенное слово также обозначает, скорее, пору. Восприятие времени как поры, подходящей ситуации для чего-либо в ярославских и других славянских говорах если не доминирует, то является очень существенным для его интерпретации (*корова на времени* – в последний период перед отелом [3; 6, с. 76], *невремя* – некогда [3; 6, с. 127] (для сравнения: *безвремче* – «преждевременно оплодотворенный скот» в болгарских родопских говорах [2, с. 155]). Аналогичный способ семантической мотивации встречается, кроме того, в наименовании весны среди хрононимов в других регионах Славии, а также на неславянской языковой территории. В словенских говорах отмечена лексема *vi-ležej* «весна» и «восход солнца» [6; 2, 769]. В южнонемецких диалектах для обозначения весны используется лексема *hinauswärts* [8, с. 92], содержащая тот же образ «выхода» природы.

Особенности восприятия времени могут проявляться в специфическом образе, объединяющем значения полисемичного слова. Особый интерес здесь вызывают данные периферийных ареалов, в частности, северо-запада Славии. В нижнелужицких говорах отмечены лексемы со следующими значениями: *cas* «время» и одновременно «погода» [5; 1, с. 115], *cera* «время жизни» и «канавка, незамерзающая часть водоема с быстрым течением» [5; 1, с. 118–119], *do-ba* «удобное время, пора» и «мера, степень» [5; 1, с. 174–175], *gód(a)* «время» и «случай, повод» [5; 1, с. 287], *chyla* «некоторое количество времени» и «минутка, досуг» [5; 1, с. 510], *dowor* «свободное время» и *doworaś* «допахать» [5; 1, с. 194], *zachod* «прошлое» и «заход солнца» [5; 2, с. 1012].

В некоторых случаях образ времени, представляемый славянскими диалектами, находит

продолжение за границами Славии. Так, в лексике южнонемецких франконских говоров в значении «время» (как и в нижнелужицкой модели «время – досуг») зафиксирована лексема *Derweil* с корневой морфемой *Weil*, восходящей предположительно к и. -е. **kueie* «находиться в состоянии покоя» [8, с. 58]. Образ «неподвижности, отсутствия изменений» лежит в основе других семантических производных: *Sitzweil* – «вечер» (буквально: сидячее, сажающееся время) [8, с. 156]; *allweil* – «всегда», «ныне, в настоящее время» [8, с. 36].

В южнославянских болгарских говорах в Родопах понятие времени отличается также очень сложным характером, с точки зрения положенного в основу наименования мотивационного признака. Однако его содержание во многом проясняется благодаря анализу многозначности лексем, передающих это значение. Можно отметить такие наименования, как *време* – «время» и «погода» [4, с. 66], *мейдан* – «время» и «возможность» [4, с. 206], *ава* – «время» и «обстоятельство», «настроение» [2, с. 121]. Последние примеры, несмотря на заимствованный характер, являются составной частью сферы обозначений времени в этих говорах.

2. Связь с пространством

Диалектный материал показывает, что в народном сознании связь пространства и времени, действительно, существует и является весьма тесной. *По край свету* – «очень давно» (*это было по край свету и никто уж не помнит теперь*) [3; 8, с. 11]. В кашубских говорах небольшой отрезок времени именуется *stek čase* [7, с. 200], то есть, как кусок времени. Причем, в данном обозначении в значении «кусок» использовано заимствование из немецкого языка (*Stueck*).

3. Время – период действия

Время, представленное в диалектных лексемах и устойчивых сочетаниях, демонстрирует тесную связь с различными сторонами жизни человека, в том числе – с хозяйственной деятельностью. В частности, в нижнелужицких говорах отмечены такие дни, как *baranowa swajźba* (свадьба баранов) – «праздник пастухов, во время которого они нанимались на работу» [5; 1, с. 14], *hoklepice* (от глагола со значением «выколо-тить») – «день сдачи отчета волостного старшины (в период празднования Троицы)» [5; 1, с. 396]. В ярославских говорах зафиксирована

лексема *баран* – «праздник в конце молотьбы (на который приглашались только близкие и помощники)» [3; 1, с. 35].

Специфику восприятия периодов времени в рамках года показывают такие нижнелужицкие наименования, как *dolamowak* – «последний вечер перед Рождеством, когда можно прясти (после чего веретено ломали)» [5; 1, с. 184], *za(do)palowak* – «вечер четверга после масленицы (когда сжигают остатки прялок)» [5; 1, с. 188].

4. Связь прошлого, настоящего и будущего

Характерной особенностью народного восприятия времени, запечатленной в диалектной лексеме, является обозначение связи между прошлым, настоящим и будущим. В ярославских говорах лексема *напредки* 1) в будущем, 2) сперва, сначала [3; 6, с. 108]. Нижнелужицкое *dawetko*, обладающее значениями «прежде, недавно, доньше» и «только что», передает процесс «перерастания» прошлого в настоящее [5; 1, с. 161]. Подобный «синтез» времен в рамках значения одной лексемы характерен и для немецкого диалектного материала: *allweil* «всегда» и наряду с этим значением – «ныне, в настоящее время» [8, с. 36].

5. Славяно-германские семантические параллели в обозначении времени

Успехи в исследовании контактных языков (на Балканском полуострове, на славяно-балтийском пограничье и др.), в частности, выявление многочисленных примеров изосемии, вызывают вопрос: могут ли лингвистические феномены, постулируемые для языков, находящихся в непосредственном контакте, быть в той или иной степени актуальны для языков, генетически родственных, но достаточно удаленных друг от друга в географическом отношении?

В лексике немецких и славянских говоров выделяются глаголы, обозначающие рассвет, в том числе производные от названия дня: *grauen* (буквально: становиться серым) [8, с. 80], *tagern* (производное от *Tag* – «день») [8, с. 165] в средневосточнофранкских и *ободневать, ободнять* [3; 7, с. 16] в ярославских говорах. Аналогичное представление раннего утра как времени перед днем представлено и в других севернославянских говорах – у лужичан *do dña* [5; 1, с. 173], в северо-западной Белоруссии – *прададнем* [1, с. 72]. Серый цвет как признак рассвета отсутствует в ярославских (здесь: *бело* сущ. – «рассвет» [3; 1, с. 49]), но присутствует в других славянских, на-

пример, в северо-западных белорусских говорах: *шараць* (то есть *сереть*) – «рассветать».

Некоторые параллели между славянскими и немецкими хрононимами можно наблюдать и в наименовании своеобразного «маленького» праздничного дня, наступающего через определенный период после основного, «большого», например: *Kleinneujahr* (буквально: малый Новый год) – «день поклонения волхвов» через неделю после Нового года в говорах Средней Франконии [8, с. 103] и *male jatšu* (малая Пасха) – «следующее воскресенье после Пасхи» в нижнелужицких говорах [5; 1, с. 536]. Подобные пространственные характеристики, а именно «большой» и «маленький», отражаются в болгарских названиях праздников Богородицы 28 августа и 21 сентября – *голямата чорква* [4, с. 67] и *малката чорква* [4, с. 75].

Сходство между немецким и славянским диалектным материалом на лексико-семантическом уровне, как представляется, связано либо с наличием заимствований (лексических или семантических), либо с параллелизмом (другими словами – независимостью) семантического развития.

Большую часть выявленных семантических параллелей следует отнести к случаям независимого семантического развития того признака понятия, который актуализируется в номинации, что обусловлено, по-видимому, общими семантическими архетипами и различными внеязыковыми факторами.

Таким образом, согласно диалектным наименованиям, время для носителей говоров – понятие, кристаллизующее и синтезирующее в себе ощущения от самых разных сторон жизни человека, проявляющиеся в структуре многозначного слова.

Библиографический список

1. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. Т. 4. П-С/ уклад. Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.], рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 616 с.
2. Стойчев Т. Родопски речник. Българска диалектология. Проучвания и материали. Книга V. Българска академия на науките. Институт за български език. София. 1970.
3. Ярославский областной словарь. Учебное пособие: в 10 вып. – Ярославль: ЯГПИ имени К. Д. Ушинского, 1981 – 1991.

4. Koseska-Toszewa V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław: Ossolineum, 1972. – 134 s.

5. Muka A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Выпуск I. – Петроград: Академическая двенадцатая государственная типография, 1921. – 992 с. Выпуск II. – Praha, 1928. – 1216 s.

6. Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. B. I–II. Ljubljana. – 1894–1895.

7. Ramułt S. Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. – Krakow: Nakładem Akademii umiejętności, 1893. – 323 с.

8. Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. – Würzburg: Königshausen&Neumann, 2001. – 224с.

Bibliograficheskij spisok

1. Sloŭnik belaruskikh gavorak paŭnochna-zakhodnyaj Belarusi i yae pagranichcha: u 5 t. T. 4. P-S/uklad. YU. F. Matskevich [i insh.], rehd. YU. F. Matskevich. Minsk: Navuka i tehkhnika, 1984. – 616 s.

2. Stojchev T. Rodopski rechnik. B"lgarska dialektologiya. Prouchvaniya i materialy. Kniga V. B"lgarska akademiya na naukite. Institut za b"lgarski ezik. Sofiya. 1970.

3. YAroslavskij oblastnoj slovar'. Uchebnoe posobie: v 10 vyp. – YAroslavl': YAGPI imeni K. D. Ushinskogo, 1981 – 1991.

4. Koseska-Toszewa V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław: Ossolineum, 1972. – 134 s.

5. Muka A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Vypusk I. – Petrograd: Akademicheskaya dvenadtsataya gosudarstvennaya tipografiya, 1921. – 992 s. Vypusk II. – Praha, 1928. – 1216 s.

6. Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. B. I–II. Ljubljana. – 1894–1895.

7. Ramułt S. Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. – Krakow: Nakładem Akademii umiejętności, 1893. – 323 с.

8. Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. – Würzburg: Königshausen&Neumann, 2001. – 224s.